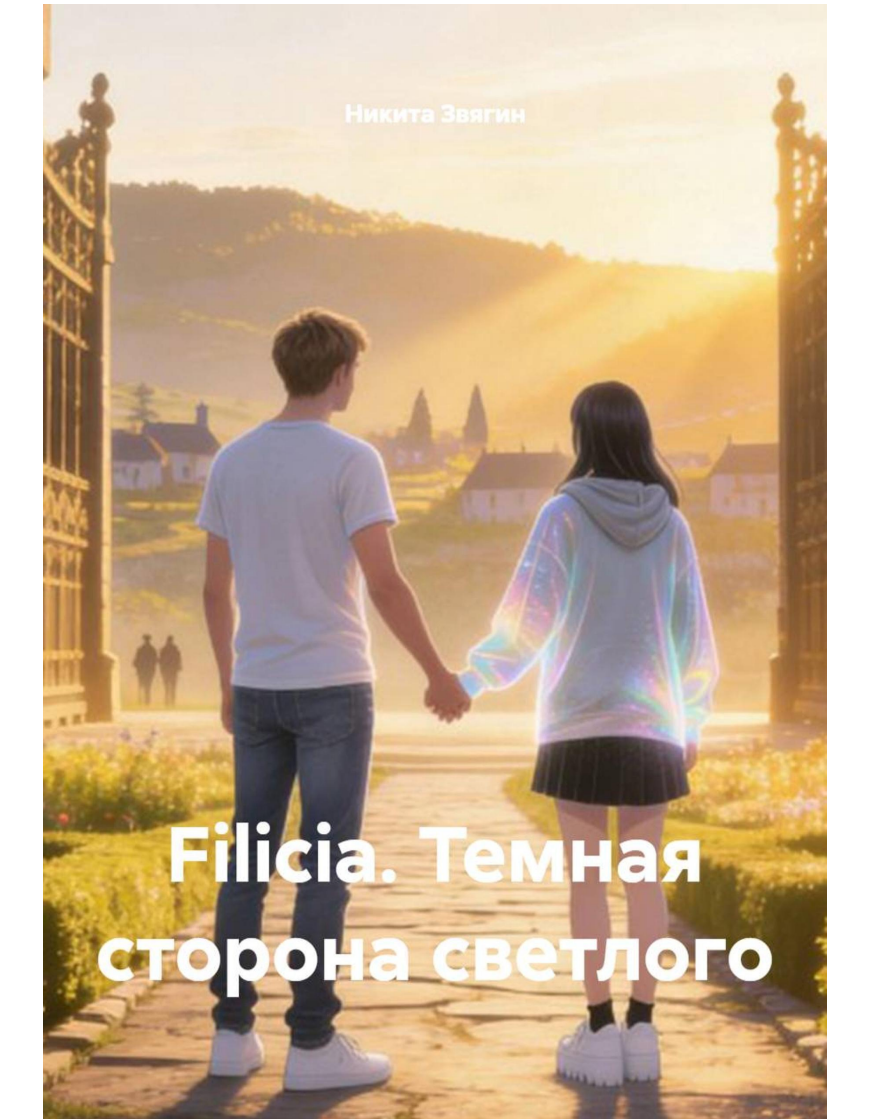

A young man and woman are seen from behind, holding hands and standing on a stone path. They are looking out over a village with several houses and church spires, nestled at the foot of a hill. The scene is bathed in the warm, golden light of a sunset or sunrise. The sun is low on the horizon, creating a strong lens flare effect. In the distance, two more figures can be seen walking away on the path. The overall mood is romantic and contemplative.

Никита Звягин

Filicia. Темная сторона светлого

Никита Звягин

Filicia. Темная сторона светлого

<https://litres.ru/74296143>

SelfPub; 2026

Аннотация

История о маленьком городе-утопии под названием Филиция, который разрушают демоны и похищают всех жителей.

Содержание

Глава 1 (Билет в один конец)	4
Глава 2 (Кадры старой киноплёнки)	10
Глава 3 (Слой цифрового макияжа)	16
Глава 4 (Проснись вправду)	21
Глава 5 (Когда проснулись тени)	26
Глава 6 (Лицо предателя)	30
Глава 7 (Эхо на пустой карусели)	34
Глава 8 (Сон внутри сна)	37

Никита Звягин

Filicia. Темная сторона светлого

Глава 1 (Билет в один конец)

Глава 1: Билет в один конец

Восемнадцать лет — это порог, за которым мир должен стать огромным и понятным. Но для Марка утро его совершеннолетия началось со странного предчувствия. На кухонном столе, рядом с остывающим кофе, лежал плотный конверт из матовой бумаги. Никаких открыток с машинами, никаких чеков на обучение.

— Филиция? — Марк повертел в руках узкую полоску билета, похожую на золотую нить. — Мам, пап, это что, название отеля?

Родители переглянулись. В их глазах не было привычной праздничной суеты, только странное, почти торжественное спокойствие.

— Это не отель, сынок, — тихо сказал отец. — Это место, о котором не пишут в путеводителях. Самый маленький и самый закрытый город в мире. Мы долго ждали, когда тебе исполнится восемнадцать, чтобы передать это право. Право на счастье без примесей.

Путь до Филиции казался сном. Никаких досмотров, никаких шумных вокзалов. Марк просто закрыл глаза в вагоне странного поезда, который шел по путям, не отмеченным на картах, а когда открыл их — реальность изменилась.

Воздух здесь был другим. Он не просто был чистым — он ощущался «правильным», словно каждый вдох наполнял легкие не кислородом, а абсолютным спокойствием. Марк сделал шаг по перрону и замер.

— Добро пожаловать в наш мир секретный, — раздался чей-то голос, мягкий и ритмичный, как старая песня. — Тсс... он еще никому не известный.

Марк обернулся. Перед ним стоял молодой парень, почти его ровесник, но во взгляде его читалась мудрость сотен лет. Улыбка незнакомца была такой искренней, что Марку стало не по себе. В его прежнем мире люди улыбались так, только

если хотели что-то продать или о чем-то попросить.

— Я — Лин, — представился парень. — Основатель этого места. Я вижу, ты еще ничего не понимаешь. Это нормально. Разве можно поверить, что на свете реально быть самым счастливым? Но посмотри вокруг.

Марк огляделся. Филиция была крошечной. Игрушечные домики, улицы, вымощенные камнем так плотно, что между ними не пролезло бы и лезвие ножа. Жители кивали ему, проходя мимо. В их движениях не было спешки. Любовь, доброта и поддержка — здесь это не было словами из учебника этики, это чувствовалось как религия, разлитая в воздухе.

— Наш мир откроет тебе двери, — продолжал Лин, ведя гостя вглубь города. — Здесь живут ангелы и демоны. Нет, не пугайся, наши демоны — не звери. Они просто... еще ничего не умеют. Но мы их обязательно научим. Поставим на довольствие, обслужим, согреем. Мы здесь исправляем то, что поломал большой мир.

Они прошли мимо центральной площади. Марк заметил, что всё в городе работает как швейцарские часы. Слышался тихий гул механизмов, скрытых под мостовой.

— Каждый винтик до конца закручен и даже смазан, — Лин похлопал по стальному фонарному столбу. — Ни одной аварии за все время существования. Ну, почти...

Лин вдруг остановился и на мгновение замолчал. Его лицо на миг потеряло это безмятежное сияние.

— Была одна история. Страшная. Но это уже другой сюжет, хотя... тебе стоит знать. К нам привезли мальчишку. Говорят, прямо из Ада. Там, откуда он пришел, принято всё решать огнем. Он просто не понял, что здесь сжигать ничего не надо. Чиркнул спичкой... А спички в его мире были огромными, понимаешь? Мы едва успели. К счастью, никто не пострадал, всех вовремя вывели.

Марк почувствовал холодный шепот страха, который на мгновение прорезал идеальную тишину города.

— И что с ним стало? Ты его наказал?

Лин странно посмотрел на него.

— В Филиции не ищут виновных, Марк. Даже если виноват я. Я просто молча исправляю то, что испорчено. Мы все тут немного... — он запнулся, подбирая слово, — поддатые. От мира, от веры в то, что всё может быть идеально. Чтобы

найти крайнего, нужна поддержка других, нужна надежда на то, что зло — это кто-то другой, а не ты сам. А мы делим вину на всех. Так легче нести груз.

Они вышли к смотровой площадке. Перед Марком лежал город, которому скоро исполнялось двадцать лет. Двадцать лет без единой войны. Двадцать лет без новых законов, потому что старые, проверенные временем и тишиной, работали безупречно.

— Правила для каждого одни и те же, — прошептал Лин, глядя на закат, который казался нарисованным великим мастером. — Мы их не меняли. Жители не строгие, они мирные.

Марк посмотрел на свой золотой билет, который всё еще сжимал в руке. На обратной стороне мелкими буквами было написано: *«Филиция готова, когда ты готов ее посетить»*.

— Поверь мне, — Лин положил руку Марку на плечо. — Тебе здесь понравится. Ты просто еще не узнал про все наши иконы.

Марк сделал шаг вперед, навстречу улыбающимся людям и городу, где не было войн. Он еще не знал, что через неделю начнет сомневаться в реальности этого рая. Он не знал,

что демоны, которых «согрели и обслужили», всё ещё прячут спички в своих карманах.

Но это действительно был уже другой сюжет. Глава первая заканчивалась здесь — в лучах вечного, идеального заката Филиции.

Глава 2 (Кадры старой киноплёнки)

Глава 2: Кадры старой киноплёнки

Солнечный свет в Филиции казался густым, почти осязаемым, словно его процедили через золотистый фильтр старой кинокамеры. Марк шел по набережной, стараясь не слишком громко топтать кроссовками по идеально подогнанным камням мостовой. В этом городе даже звук имел свою иерархию, и лишний шум здесь казался неуместным, почти святотатственным.

Рядом, широким и уверенным шагом, шел Лин. Он не просто передвигался — он словно дирижировал пространством вокруг себя. Каждый его жест, каждый поворот головы находили отклик в окружающей среде: фонтаны чуть выше взмывали в небо, когда он проходил мимо, а встречные жители выпрямляли спины, нацепляя на лица свои лучшие улыбки.

— Присядем? — Лин указал на скамью из темного дерева, отполированную до зеркального блеска. — Ты выглядишь так, будто у тебя в голове роятся тысячи вопросов, и каждый

из них норовит укусить тебя за язык.

Марк опустился на скамью, чувствуя прохладу дерева через джинсы.

— Всё это... — он обвел рукой панораму города. — Кажется слишком быстрым. Я еще вчера выбирал торт на день рождения, а сегодня сижу в месте, которое напоминает декорации к фильму о светлом будущем.

Лин усмехнулся, и в его глазах промелькнула искра азарта, которую не могла скрыть даже самая глубокая мудрость.

— Кино — хорошее сравнение, Марк. Ты очень пронищателен для своих восемнадцати. Знаешь, когда-то здесь действительно не было ничего. Вообще. Ни одного ростка, ни одного червяка в земле. Только бесплодная, выжженная солнцем пустошь, которую правительство мечтала сбить хоть кому-нибудь.

Лин подался вперед, положив локти на колени. Его голос стал глубже, в нем зазвучали металлические нотки, характерные для человека, который привык отдавать приказы не только людям, но и самой судьбе.

— Когда-то давно я выкупил эту землю за бесценок. Все

крутили пальцем у виска. Здесь собирались устроить либо очередную свалку промышленных отходов, либо тупиковый транспортный узел — прокопченный складский хаб, где люди дохли бы от серости и пыли уже к тридцати годам. Но я увидел здесь нечто иное. Я увидел нашу киноплёнку, Марк. Кадр за кадром я начал монтировать реальность, о которой другие боялись даже мечтать.

Он встал и подошел к самому краю гранитного парапета, указывая на глубокий лазурный канал, разрезающий город на два ровных сектора.

— Видишь эту воду? Восемь лет. Ровно восемь лет я потратил на то, чтобы проложить это русло. Я сам стоял за рычагами экскаватора, когда рабочие отказывались лезть в эту каменистую породу. Мне твердили, что утопия — это сказка для слабаков. А я отвечал: утопия — это работа для титанов. Я строю этот канал до сих пор, внедряя всё новые системы очистки и фильтрации. Филиция — это не результат, это процесс. Бесконечный, как вечное движение жизни.

Марк подошел к нему и заглянул в воду. На дне не было ни ила, ни мусора — только белая галька, сиявшая в лучах полуденного солнца.

— Это наш маленький секрет, — Лин обернулся к Марку,

и его лицо вдруг стало серьезным, почти суровым. — Добро пожаловать, мой юный друг. Теперь ты — часть этого грандиозного монтажа. Ты попал в город, где нет места хаосу. Располагайся, живи, твори. Во внешнем мире сейчас творится черт знает что: конфликты, дележка ресурсов, ненависть. А здесь — наш тихий час. Но помни: в Филиции нельзя засыпать.

— Почему? — Марк недоуменно поднял брови. — Разве это не самое безопасное место на земле?

— Засыпать в метафорическом смысле, — пояснил Лин. — Нельзя становиться равнодушным. Нельзя принимать эту красоту как должное. Каждое утро мы просыпаемся и заново решаем быть мирными. У нас можно делать всё, что душе угодно — рисуй, занимайся наукой, люби. Но я предостерегаю каждого: никогда не нападай. Нападение на ближнего, на чужую мечту или на сам порядок города — это единственный грех, который не смывается водой нашего идеального канала.

Они двинулись дальше, в сторону строящегося восточного квартала. Там кипела работа, но она была странно бесшумной. Рабочие понимали друг друга с полуслова, их движения были синхронными, почти балетными.

— Мы создавали отношения с каждым, кто здесь живет, долгие десятилетия, — продолжал Лин, приветственно кивая бригадиру. — Чтобы добиться великого плана, нужна была именно эта дорога. Нельзя просто согнать людей и приказать им быть счастливыми. Нужно научить их доверять. Доверять мне, доверять соседу, доверять самой тишине.

Лин внезапно остановился и внимательно посмотрел на Марка.

— Хватит болтать. Пора за работу — и мне, и тебе. Тебе нужно найти свое место в этом сценарии. Я буду развивать Филицию до тех пор, пока у меня бьется сердце. Я дарю вам эту безопасность каждый день, как священный дар. И даже если внешние обстоятельства станут чертовски сложными — а они станут, поверь мне, мир не любит тех, кто живет лучше других — мы сможем победить. Потому что у нас есть этот фундамент.

Марк молчал, чувствуя, как внутри него растет странная смесь восхищения и легкого, едва уловимого беспокойства. Всё было слишком правильно. Слишком симметрично.

— А что, если кто-то захочет убить нашу мечту? — тихо спросил Марк, вспомнив слова Лина о предостережении.

Лин улыбнулся, но эта улыбка не коснулась его глаз.

— Тогда мы просто вырежем этот испорченный кадр из нашей пленки, — ответил он. — И продолжим кино. Пойдем, Марк. Тебе еще нужно увидеть наши сады. Они цветут даже тогда, когда во всем остальном мире наступает зима.

Марк последовал за Основателем, но в его ушах всё еще стоял ритмичный звук молотков, напоминающий отсчет времени в старом проекторе. *Тик-так. Тик-так.* Глава вторая только начиналась, и он еще не знал, что за декорациями Филиции скрываются тени, которые невозможно осветить даже самым ярким солнцем утопии.

Глава 3 (Слой цифрового макияжа)

Глава 3: Слой цифрового макияжа

Ночь в Филиции не приносила тьмы. Она приносила мягкое, индиговое свечение фонарей, которое окутывало город, словно теплое одеяло. Марк лежал в своей новой спальне, глядя на безупречно белый потолок. В комнате пахло чистотой и уверенностью в завтрашнем дне, но внутри у восемнадцатилетнего парня что-то свербило.

«Слишком правильно», — пульсировало в висках. Он закрыл глаза, пытаясь отогнать навязчивый ритм работающих под землей механизмов, и постепенно провалился в тяжелый, липкий сон.

Во сне Филиция изменилась. Это был всё тот же город, но теперь он выглядел так, будто кто-то изменил настройки графики на самый минимум. Марк шел по набережной канала, но вместо воды видел лишь ровные ряды пикселей, мерцающих холодным синим светом.

— Что скрывает этот мир? — раздался шепот за его спи-

ной. — Никому не ясно, Марк.

Он обернулся, но никого не увидел. Голос казался вездесущим, он доносился прямо из стен домов, которые теперь напоминали плоские декорации.

— Каждый третий здесь хотел бы раскрыть правду, — продолжал голос, становясь всё громче и насмешливее. — Каждый пятый понимал, что это невозможно. Но в итоге... в итоге все просто открывали новую вкладку и принимали этот мир.

Марк подбежал к окну ближайшего дома, но вместо жилых комнат увидел черную пустоту. Вдруг пространство перед ним подернулось рябью, как неисправный телевизор. Перед ним возник Лин. Но это был не тот приветливый Основатель. На его лице вместо кожи был толстый слой серого грима, который осыпался, обнажая микросхемы.

— Давай отпустим грустные моменты, сынок, — Лин оскалился в жуткой улыбке. — Кто же так хотел услышать эти комплименты? Посмотри на свои руки.

Марк в ужасе посмотрел вниз. Его пальцы превращались в строчки программного кода.

— Но на самом деле... — голос Лина зазвучал в унисон с сотнями других голосов жителей. — Никто не хотел делать это даже в бреде. Но на самом деле, Марк, я сейчас в твоём теле. Ты видишь этот город только на дисплее! Ты думал, это реальность? Всё это придумано ещё в месяце апреле!

Марк бросился бежать. Он бежал мимо центральной площади, но статуя Основателя превратилась в гигантский монитор, на котором транслировались бесконечные отчеты о «счастливой жизни». Люди вокруг него замерли, как зависшие персонажи видеоигры.

— Смой с головы этот толстый макияж! — закричал кто-то из толпы, и Марк увидел, как с лиц жителей буквально отваливаются куски идеальной кожи, обнажая пустые глазницы камер. — Сними с себя этот хороший камуфляж! Да, это красиво, будто пляж у океана, но на самом деле это закрыто, как гараж!

Мир вокруг начал рушиться. Небо Филиции треснуло, и за ним показалась темная, бесконечная пустота серверной комнаты.

— Это просто репортаж! — хохотал Лин, возникая то тут, то там. — Ты думал, это ели? Ты думал, мы просто тут сели? Неужели ты не понимаешь, Марк?

Марк споткнулся и упал на мостовую, которая на ощупь оказалась холодным пластиком. Он почувствовал, как чьи-то невидимые руки тянут его вглубь графического интерфейса.

— Пока в отделе люди наболтали, что вся Филиция сейчас на прицеле! — Голос стал зловещим, в нем послышался металлический лязг оружия. — За нами сели. За нами съели. Если не доели — значит, просто не хотели. Это всё еще игрушки, Марк! Чтобы построить такое, нужно очень много думать...

Марк закричал, пытаясь вырваться из цифрового плена. Ему казалось, что его собственное тело становится частью этого кода, что он растворяется в бесконечных повторах этого нелепого припева: «На самом деле... На самом деле...»

Марк резко сел в кровати. Его колотила дрожь, а лоб был мокрым от холодного пота. За окном всё так же мягко светили фонари Филиции. Тишина была абсолютной.

Он встал и подошел к зеркалу. Идеальное лицо. Идеальная кожа. Но в памяти до сих пор стоял голос из сна: *«Смой с головы толстый макияж»*.

Он подошел к окну и присмотрелся к далекому горизонту. Там, где заканчивались ровные крыши, небо казалось слишком статичным. На мгновение Марку почудилось, что один из домов вдали на долю секунды мигнул, обнажив неоновые контуры сетки.

— Это сон, — прошептал он сам себе. — Просто кошмар после долгой дороги. Здесь всё по-настоящему. Лин сказал, что здесь не лгут.

Но внутри него зародилось зерно, которое не мог вытравить даже самый чистый воздух утопии. Зерно сомнения. Теперь, вглядываясь в улыбки прохожих на следующее утро, он не мог отделаться от мысли: видит ли он живого человека или просто яркую картинку на бесконечном дисплее, придуманную кем-то в далеком месяце апреле?

Третья глава его жизни в Филиции превратилась в охоту за истиной, скрытой под слоями идеального грима. И эта охота обещала быть опасной для всей системы.

Глава 4 (Проснись взаправду)

Глава 4: Проснись взаправду

Утро после кошмара было не просто ясным — оно было вызывающе прекрасным. Марк стоял на балконе, вглядываясь в очертания домов, и ждал подвоха. Ждал, что небо моргнет, что пиксели поползут по стене, но Филиция безмолвствовала в своем совершенстве.

Он не заметил, как Лин возник рядом. Основатель выглядел уставшим, под глазами залегли тени, которые обычно не позволял себе никто в этом городе. Рассветные лучи подчеркивали морщины на его лбу — те самые, что во сне казались швами на гриме.

— Странные сны, Марк? — тихо спросил Лин, глядя не на парня, а куда-то вдаль, на верхушки парковых деревьев. — Я знаю. Я тоже через это проходил.

Марк вздрогнул.

— Ты знаешь, что мне снилось? Что всё это — цифровая ложь. Что мы в игре, в репортаже...

Лин усмехнулся, и на этот раз его улыбка была горькой, а не рекламной.

— Это защитная реакция твоего разума, привыкшего к грязи. Тебе легче поверить в то, что мир — компьютерная симуляция, чем в то, что люди могут просто не ненавидеть друг друга. Но посмотри вниз.

Он указал на улицу. Город просыпался рано. Старики уже сидели на крыльцах, делясь планами на день, соседи переговаривались через живые изгороди. В каждом движении сквозило то самое родство, которое Марк считал во сне подделкой.

— Это не мода, Марк. Это — семья, — продолжал Лин, и его голос обретал ту самую лирическую силу. — Здесь нету одиночества. Ты видишь, как жизнь течет рекой? Соседи на пороге делятся мечтой, а не жалобами на налоги. Каждый день тут ощущается как праздник, как сладость после долгих лет горечи.

Они спустились вниз и пошли через парк. Группа детей с криками пронеслась мимо, гоняя футбольный мяч. Марк заметил, как двое стариков, сидя на скамейке, горячо обсуждали какую-то старую историю, и один из них заразительно расхохотался. Это был не «стиль» игры — это была сама

жизнь.

— Мы собираемся вместе, устраиваем пир не для того, чтобы пустить пыль в глаза гостям, — Лин остановился у фонтана. — В каждом взгляде здесь искра. В каждом слове — мир. Слышишь, как звучит музыка в каждом дворе? Это не запись из громкоговорителей. Это люди играют сами.

Марк молчал. Он чувствовал, как кокон сомнения начинает трескаться под напором этого искреннего тепла.

— Но на самом деле... — Лин вдруг остановился и внимательно посмотрел на Марка. — Я сам во всё это не верил сначала. Когда я закладывал первый камень, я думал, будет хуже. Я ждал предательства каждый миг. Как же это трудно, Марк... Держать целый город, если ты один тут несешь ответственность за каждый вдох жителей. Но посмотри — сейчас рассвет. И я вижу, что я не один.

Лин положил руку на плечо Марка.

— Филиция — это дом для всех нас. Здесь мечты сбываются, потому что здесь нету лишних фраз, нет лживого этикета. Мы строим этот город на основе наших «стонов» — на основе той боли, которую мы все пережили там, во внешнем мире. Мы переплавили свою горечь в этот уют.

Марк глубоко вдохнул. Воздух был настоящим. Он чувствовал запах цветов и свежего хлеба из пекарни на углу.

— Люди помогают друг другу без лишних слов, — шептал Лин, словно делился великой тайной. — Не нужно быть идеальным, Марк. Мы просто любим вновь. Здесь сердца не умирают от пустоты. И я горжусь тем, что основал этот уют. Раньше я боялся, что проснусь и всё исчезнет. Но теперь я во сне — и теперь я *awake*. По-настоящему живой.

Вечером они сидели у костра на окраине парка. Другие жители подсаживались к ним, делясь историями, и Марк почувствовал, как музыка из дворов сливается в единую гармонию. Здесь дружба действительно казалась крепче камня, а любовь — ярким огнем.

— Каждый вечер здесь — живое искусство, — сказал Лин, глядя на горящие звезды. — Забудь про суету. Здесь время останавливается, чтобы ты мог запомнить каждый миг, словно в альбоме.

Марк посмотрел на луну, сияющую над Филицией. Страх, что он находится внутри дисплея, отступил. Если это и была сказка, то он хотел в ней остаться. Он наконец понял главную мысль Основателя: Филиция — это место, где растет мечта,

и только от них самих зависит, не превратится ли она снова в пепел.

— Я рад, — тихо произнес Марк, впервые обращаясь к городу как к чему-то живому.

Лин кивнул и в пламени костра его лицо выглядело спокойным. Четвертая глава закончилась пониманием: совершенство Филиции было не результатом кода, а результатом того, что люди просто решили доверять друг другу. Но в тени за деревьями парка Марку на мгновение всё же почудилось какое-то странное движение, не вписывающееся в общий ритм праздника. Лишь на мгновение.

Глава 5 (Когда проснулись тени)

Глава 5: Когда проснулись тени

Тишина Филиции всегда была её гордостью. Но в эту ночь тишина стала звенящей, тяжёлой, похожей на предсмертный хрип.

Всё началось на окраине, где лазурный канал встречался с границей парка. Там, где Лин обещал «согреть и обслужить» тех, кто не умел жить в свете. Внезапно воздух, пропитанный ароматом жасмина, сменился запахом серы и жжёной резины. Тени, что раньше смиренно таились по углам, начали удлиняться, превращаясь в нечто осязаемое и холодное.

Демоны не пришли извне. Они вырвались из тех, кого Лин пытался исправить. Из тех «парней», чьи души были погребены под слоем принудительного счастья.

— Я безчеловечен, во мне ни капли злости, — прозвучал голос, искажённый тысячью помех, от которого по стеклам домов пошли трещины. — Я просто пришел к вам, чтобы вы знали эти новости. Вы просто никто... я ору с вашей ничтожности!

Вспышка черного пламени разрезала небо. Город, построенный на безупречном расчете, вдруг «дал течь». Идеально вымощенные улицы начали плавиться. Марк, который только обрел веру в это место, не успел даже вскрикнуть. Тёмная сущность, похожая на сгусток копоты и ненависти, возникла прямо в его комнате. Она поглотила его вместе со светом ночника, стерев его само существование из памяти этого места.

Крики жителей мгновенно оборвались. Сотни людей — мужчины, женщины, дети — были вырваны из своих постелей невидимыми руками.

— Все жители Филиции сейчас у меня! — гремел голос существа, которое раньше, возможно, было тем самым «мальчишкой из Ада». — Заперты в гробнице, где похороню тебя! Я не сомневаюсь, что я сделал из себя адовую сущность, в себе парня погубя!

Лин выбежал на площадь, спотыкаясь о обломки фонтана. Он видел, как его утопия превращается в пепелище. Золотые шпили рушились, облитые черной гарью. Демоны, о которых он говорил так снисходительно, теперь возвышались над руинами, празднуя своё освобождение.

— Что бы людям выжить, нужно просто умереть! — ры-

чал предводитель теней, глядя на Основателя красными, немигающими глазами. — Что бы сохранилось, всё это надо сжечь! Никто не сможет этот город уберечь!

Лин попытался шагнуть вперед, выкрикнуть команду, остановить этот кошмар, но его тело сковал паралич. Демоны не хотели убивать его — они хотели, чтобы он смотрел на свой крах. Один из них, с лицом, искаженным гримасой ненависти к «веселящимся подросткам» и «детским вопросам», подошел вплотную.

— Ай, yeah, я сегодня на грозном! — прошипел демон. — Выведу всё из себя и сделаю так, будто это всё помощь. Я ненавижу людей, ненавижу подростков... Не хочу видеть, как вы веселитесь, у вас слишком много вопросов!

В следующую секунду Лина ударила волна жара. Последнее, что он видел, — как великий канал Филиции испаряется, обнажая ржавые трубы и грязь под белой галькой. Город вспыхнул весь целиком, от края до края. Демоны увели бесконечную колонну жителей в темноту, за пределы видимого мира, в некую «гробницу», лишенную света и надежды.

Лин упал на колени, закрывая лицо руками. Когда он открыл глаза, небо было серым, пепел падал, как снег. Вокруг не было ни Марка, ни смеющихся детей, ни уютных домов.

Остался лишь он — Основатель на пепелище, оставленный здесь как памятник собственной тревожности и страху, на которых, как оказалось, и была построена Филиция.

Город исчез. Жители исчезли. И тишина больше не была гордостью. Она стала проклятием. Глава пятая завершилась погребальным костром мечты, которая была слишком хрупкой, чтобы выдержать пробуждение спящих внутри демонов.

Глава 6 (Лицо предателя)

Глава 6: Лицо предателя

Лин сидел посреди площади, которая когда-то была сердцем его гордости. Теперь это была чаша, наполненная едким дымом и битым стеклом. Город, его идеальная Филиция, полыхал так яростно, что небо стало цвета запекшейся крови. Это был не ласковый свет солнца, к которому привыкли жители за двадцать лет тишины, — это был ревущий, беспощадный огонь.

Основатель смотрел на домики, которые он когда-то красил сам. Красные, синие, желтые, белые — теперь все они имели один цвет: цвет обугленной кости. Заводы, которые работали в полную смену, больницы, где не было пациентов, — всё превращалось в прах.

— Кто-то был на рейсе... кто-то жарил шашлык в отпуске... — шептал Лин, обхватывая голову руками. — Все свои. Родные, близкие. Где я проглядел чужого?

Перед его глазами стояли дети, что еще вчера играли в песочнице, строили свои маленькие дома из песка и верили, что вырастут в самом счастливом месте на земле. «Вот об-

лом», — пронеслось в голове Лина. Дети исчезли. Взрослые исчезли. Хаос на улицах превратил мирные лица в страшные маски.

— Это мафия? Предатель среди жителей? — Лин вско-
чил, озираясь на пустые, горящие переулки. — Нет, я не по-
верю. Оставь на потом... Это не может быть правдой. Два-
дцать лет всё было чисто! Ни малейшего шанса на сбой!

Он помнил каждый дождь, каждое давление со стороны
«грома» внешнего мира, от которого он так старательно обе-
регал свой город. Филиция была их оберегом. Но сейчас обе-
рег не помог. Лин смотрел в небо, где над пожарищем кру-
жила одинокая птица — она казалась фантомом, призраком
того самого предателя, который устроил этот погром.

— Кто из вас предатель?! — закричал он в пустоту. —
Кто из мирных мог причинить такую боль?! Наш оберег —
долгой! Если здесь было чисто, кто решился зажечь эти дос-
ки?! Объявитесь! Сдайтесь полиции, это будет вам уроком!

Но полиции больше не было. Не было и судов. Только
треск пламени.

Лин забрел в полуразрушенное здание своей администра-
ции. Удивительно, но его стол уцелел. Он сел, глядя на тле-

ющие занавески. В этот момент в дверь, которая едва держалась на петлях, постучали.

— Войдите... — механически произнес Лин. — Сядьте спокойно. Тихо. За стол.

В дверном проеме появился человек. Его лицо было скрыто сажей, но в осанке угадывалось что-то пугающе знакомое. Это не был демон с рогами, это был один из тех, кого Лин считал «своим». Он прошел в центр комнаты, не глядя Линду в глаза.

— Я тут с повинной, — голос гостя был сухим и лишенным эмоций. — Я это сделал.

Лин замер. Сердце пропустило удар. Он хотел броситься на него, спросить «Зачем?», «Почему сейчас?», «Где все остальные?». Но слова застряли в горле. В этом предателе он видел отражение всех сомнений, которые подавлял в жителях годами.

— Я больше не буду, — тихо добавил человек.

Он развернулся, встал и просто ушел в завесу дыма. Лин не двинулся с места.

Город продолжал гореть. Под сильнейшим давлением огня и осознания Филиция умирала окончательно. Лин понял: предатель не пришел извне. Он вырос внутри системы, как фантом, как птица, летящая над руинами. И даже если этот человек сдался, город уже не погасал.

Основатель остался один в комнате, где пахло концом света. Пятая глава забрала людей, а шестая — надежду на то, что среди своих не бывает врагов. Он сидел у разбитого окна и смотрел, как огонь доедает последние остатки его идеального сна. Филиция превратилась в мафиозный притон теней, и вернуть ей прежнюю чистоту было уже невозможно.

Глава 7 (Эхо на пустой карусели)

Глава 7: Эхо на пустой карусели

Дым над Филицией внезапно стал прозрачным, как утренний туман. Жар пожаров сменился странной, знобкой прохладой. Лин шел по центральной улице, и под его ногами больше не хрустело битое стекло. Город замер в сумерках — не тех страшных, багровых сумерках гибели, а в мягком, сиреновом покое, который бывает только перед самым рассветом.

Он подошел к городскому парку. К его удивлению, карусели, которые еще час назад казались обугленными скелетами, медленно вращались. Слышался тихий, едва уловимый перезвон их механизмов. Лин зажмурился, а когда открыл глаза, увидел, что во всех окнах домов снова горит свет. Теплый, уютный, манящий свет, обещающий горячий чай и спокойный разговор.

— Я буду помнить... — прошептал он, касаясь рукой холодного металла парковой ограды. — Я буду верить, что мы вернемся. И создадим всё это опять.

Он вытащил из кармана блокнот и огрызок карандаша.

Руки дрожали.

— «А помнишь, мой город еще тогда был...» — записывал он, глотая слезы. — «Я запишу себе, чтоб не забыл. Тогда еще все карусели работали. Все дома были, и свет в них горел».

Он шел дальше, и город словно оживал под его взглядом. Мимо прошла пара, они смеялись, не замечая его. Это были счастливые люди. Ангелы, о которых он так часто говорил Марку, парили где-то в вышине, и Лин кожей чувствовал их одобрение. Всё было хорошо. Всё было правильно.

Он вспомнил, как они ходили по городу ночью. Те тихие патрули, когда безопасность казалась чем-то естественным, как дыхание. Он не помнил войн. Он не помнил боли. В этом странном, застывшем моменте всё плохое стерлось, оставив только желание сохранить этот миг.

— Не помню я времени, что были войны... — бормотал он, присаживаясь на скамейку.

Вдруг его взгляд упал на землю. Там, среди цветов, лежал пистолет. Настоящий, холодный, вороненой стали. Лин потянулся к нему, чувствуя странный зуд в пальцах. «Дай пострелять...» — пронеслось в голове, как эхо из какой-то дру-

гой, грязной жизни. Он тут же отдернул руку, испугавшись этой мысли. В его городе не стреляли. В его городе всё работало. Его город всё еще существовал.

Он закрыл глаза, прислонившись спиной к дереву. В голове пульсировала только одна мысль, как молитва: никто не сможет мой город воссоздать. Никто, кроме него самого. Он должен верить. Он должен помнить.

Тишина стала абсолютной. Перезвон каруселей смолк. Свет в окнах начал меркнуть, превращаясь в белые точки.

Лин почувствовал, как его тело пронзает резкий, холодный ток. Он дернулся, пытаясь ухватиться за ускользающее видение работающей карусели, но пальцы сжали лишь пустоту.

Лин резко открыл глаза, тяжело дыша и чувствуя на щеках мокрые дорожки слез, и понял, что лежит в своей постели в пустой квартире, а Филиция была лишь долгим, несбыточным сном.

Глава 8 (Сон внутри сна)

Глава 8: Сон внутри сна

Лин резко сел на кровати, жадно хватая ртом воздух. Сердце колотилось о рёбра, как пойманная птица. На щеках всё ещё чувствовалась влага от тех слёз, что он проливал в парке Филиции. Но когда он открыл глаза, реальность оказалась ещё страшнее, чем горящие руины.

Вокруг не было спальни. Не было тихой квартиры. Стены дрожали, пол вибрировал, и до ушей доносилась бесконечная, утомительная тряска. Он находился в тесном, полутёмном грузовом вагоне, который нёсся куда-то в пустоту. На улицах, мимо которых пролетал состав, людей не было видно — только бесконечный серый туман.

— Только открыл глаза, и я уже не знаю, где я... — прохрипел Лин, пытаясь встать. — Кто я? Сначала я не был похож на злодея, но теперь всё видно... Всё обеднело. И город, и я сам.

Он пополз к щели в дверях вагона. Что случилось, пока он был «в отключке»? Где Марк? Где те сотни людей, что верили в его сказку? Он чувствовал себя не основателем, а

заложником. Те самые демоны, о которых он грезил во сне, вырвались наружу здесь, в этой грязной реальности. Колонны людей в намордниках и на цепях шли вдоль путей. Их прятали, как скот, убирали с глаз долой.

— Боже, помоги мне! — Лин упал на колени прямо в грязную лужу на полу вагона. — Спаси их, не для себя прошу! Выпусти жителей, которых Ты спрятал у Тебя. Это не Твоя земля, это был мой мир! Забери меня, только верни их на свет!

Но ответа не было. Только мерный стук колёс в такт 4/4. Лин вспомнил сказки из детства — в каждой из них был счастливый эпилог, раскрытый диалог, где добро побеждало правду. Он ждал пролога к новой главе, искал образ для своего монолога, но вместо этого ощущал только холод металла на шее.

Где-то в глубине состава он слышал плач. Плакали дети, захлёбывались в рыданиях их родители. Они все хотели свободы, все верили в его историю — историю о мальчишке, который писал этот «альбом» в своём воображении.

— Верите в утопию? — раздался чей-то голос из темноты вагона, хриплый и издевательский. — На самом деле вы на цепи. Вам сколько лет, чтобы верить бумажным фантазиям?

Тот парень, что писал этот сон... он просто хотел забыть, что он сам ведёт нас в гробницу.

Лин зажал уши руками. В голове снова зазвучал припев, ставший его персональным адом:

«Это всё сон... Тебе бы не приснилось это никогда, помни, но а если и приснилось, то...»

Он понял. Наяву не будет ни Лина, ни Марка, ни сияющей Филиции. Каждое лицо, которое он видел, каждый счастливый день был лишь цифровым макияжем в его воспалённом сознании. Он закончил историю, но финал оказался открытым люком в пустоту.

Вагон резко тряхнуло. Поезд начал замедляться. Сквозь щели Лин увидел огни нового города, но это была не Филиция. Это было место, где трубы коптели чёрным дымом, а над воротами висел стальной лозунг:

****«УТОПИЯ — ЭТО ПЕРВАЯ СТАДИЯ ПОСЛУШАНИЯ»**.**

Лин подполз к стене вагона и ногтями нацарапал на ржавом металле: *«Смой макияж. Вторая глава ещё не написана»*.

В этот момент дверь вагона с грохотом отодвинулась. На пороге стояла фигура в тяжёлой броне и маске. В свете прожекторов её тень упала на Лина, и тот замер: на рукаве охранника красовался маленький, едва заметный значок в форме золотого шпиля — герб Филиции.

— Пора выходить, Основатель, — произнесла фигура голосом, который Лин не мог спутать ни с чьим другим. — Время просыпаться по-настоящему. Настоящая история только начинается.

Лин сделал шаг в неизвестность, понимая: сон закончился, но его создатель только что вошёл во вкус. Где-то в темноте снова послышался плач, и тихий шёпот мальчишки из сна произнёс последнюю фразу, прежде чем тьма поглотила всё:

— Филиция — это не место. Филиция — это тот, кто за тобой наблюдает.